

— К походу
на Кремль
готов!

КРЕСТОНОСЕЦ

**Никита
Сергеевич
готовится
войти
в Кремль.
И, можете
не сомневаться,
войдет.**

Уже в сентябре

жалению, эта возможность, похоже, будет упущена.

— Но ведь Ельцин вял - едет. Говорят же: лучше позже, чем никогда.

— Это не ко мне. Повторяю: я говорил не о том, будет ли присутствовать президент в Петропавловской крепости. По моему пониманию, государственная акция подразумевала длительную и серьезную подготовку. Необходимо было продемонстрировать стремление к единению и примирению, а вместо этого до последнего дня продолжалось торжище: эти кости или не эти, тех хороним или не тех.

— Вы свое участие в церемонии погребения оговаривали давно. Не смущает то, что из-за ельцинского блиндрешения вы теперь как бы оказались в дворцовой свите?

— Абсолютно не смущает, поскольку я никогда ни в чьей свите не был, и все это прекрасно знают. Я по определению не человек свиты. Могу быть другом, сторонником, советчиком, могу даже исполнять какие-то обязанности и поручения, если сочту это уместным и приемлемым, но ни за что не окажусь в числе придворных.

— Но всем вы ведь не объясните, что приезжали в Питер не следом за Ельциным.

— А я не собираюсь никому ничего объяснять. Все равно газеты напишут, а телеканалы расскажут, что захотят - вне зависимости от того, правда это или нет. Я давно сказал, что буду присутствовать на похоронах. Это мой личный выбор, и он никак не зависел от решения патриарха или президента. У каждого собственные мотивы. И Синод посвоему прав. Если существует даже тысячная доля процента, допускающая ошибку ученых при идентификации останков, канонизировать покойников, называть их мощи святыми нельзя. У церкви не должно оставаться сомнений в подлинности результатов. Поэтому я не вправе осуждать Алексея Второго - у него иной уровень ответственности.

И то, что я сюда приехал, никого по большому счету не касается - это вопрос моих отношений со страной, вопрос, не имеющий клановых или иных подтекстов. Я не намерен использовать факт своего присутствия здесь для присовокупления к той либо иной политической фигуре. Если вы могли заметить, мой взгляд не претерпел изменений за последние годы и даже десятилетия: что раньше говорил, то и сейчас говорю, что раньше делал, то и сейчас делаю. Мне не нужно из-за изменений моды засыпать красным, чтобы проснуться трехцветным. Я не хамелеон и не меняю окраску по обстановке.

— Политический фон вокруг ситуации с

захоронением Николая Второго все равно проступает достаточно сильно. Кто-то из моих коллег даже написал, что будущие кандидаты в президенты России, мол, обязаны почтить церемонию своим присутствием.

— А я здесь при чем? Разве я где-то кому-то говорил, что намерен баллотироваться?

— Публично - нет. Готовясь к этой встрече, я порылся в своем досье и с удивлением обнаружил, что вопросы о претензиях на президентское кресло вам стали задавать еще лет пять назад. И всякий раз вы давали отрицательный ответ.

— И вас ожидает такой же...

Общество ждет... вернее так: общество созревает до некоей определенности. Я никогда не претендовал на власть политическую - она меня мало интересовала. Вопрос в том, что дорога, по которой шел я с товарищами, дорога, которая, как мне кажется, естественна для России, постепенно становится единственно верной и для тех, кто раньше так не думал. Не я менял маршрут и направление движения - на нашу колею становятся люди, которые, поискав в других сторонах, пришли к выводу, что именно наши мысли, слова, поступки способны сегодня вывести страну из тупика. Вот и все.

Удивительный парадокс! Обычно, по крайней мере очень часто, люди стараются найти себе применение, примыкая к тем, кто на виду и правит бал. Тут важно нутром почуять, на кого поставить, чтобы не оказаться в проигрыше. Новые веяния, старые - это не имеет принципиального значения, многие интуитивно торопятся предугадать, что завтра окажется модным, и занимают места в первых рядах сторонников того или иного лидера. А мне не надо суетиться, у меня - свои убеждения, которые последовательно отстаивал и отстаиваю. Я не был членом партии, не снимал кино для КПСС. И Западу не стремился понравиться, как бы меня ни обвиняли в прозападнических настроениях. И сегодня я не стал перестраиваться. Куда важнее мое внутреннее состояние, мои мысли, а не то, что мне приписывают.

— Но если вы говорите, что ваши думы совпадают с чаяниями народа, то...

— В нашей стране достаточно не работающих ресурс, но успешных определенным образом зарекомендовать себя политиков. Готов помочь, если эти люди решат идти в президенты.

— А может, то, что они профессиональные политики, не плюс, а минус? Мол, уже успели замараться, вывалиться в грязь...

— И такой вариант вероятен. Но я не

Кремль. правда. - 1998. -
24 июля. - с. 18, 19

Фото Е. УСПЕНСКОГО.

НИКИТА Михалков неуловим для интервьюера, аки мститель для бурнаша. Сначала были съемки «Сибирского цирюльника», во время которых к режиссеру, понятное дело, не подступиться. (Да и происходило действие, как видно из названия, по большей части в Сибири, а еще - в Чехии и Португалии). Сейчас идет монтаж и озвучание картины, для этого выбраны Лондон и Париж - тоже не ближний свет. Значит, снова не подберешься.

Неведомо, сколько тянулась бы эта бодряга, не прилети Михалков на пару дней в Питер для участия в церемонии погребения царских останков. Пока самолет «Эйр Франс» заходил на посадку в аэропорту «Пулково-2», по телевизору объявили: Борис Ельцин изменил первоначальное решение не ехать в Санкт-Петербург и пожелает на похороны Николая Второго. С этой новости я и начал разговор с Михалковым.

— Никита Сергеевич, завтра сюда прилетает Ельцин.

— Молодец.

— И все? Вы даже не удивлены?

— А почему я должен выражать какие-то эмоции по этому поводу? Президент сделал то, чего от него давно ждали.

— Борис Николаевич сказал, будто это деятели культуры уговорили его на поездку в Питер. Не вы ли часом руку приложили?

— Я Ельцина не уговаривал. Наверное, сыграл свою роль звонок академика Лихачева, вероятно, помогло письмо Ростроповича (мы, кстати, сейчас летели с Мстиславом в одном самолете). Не знаю, может, кто-то еще просил президента приехать, но не я. Раньше - да, обращался к Виктору Черномырдину, Борису Немцову, Юрию Ярову. Но речь ведь шла не только и даже не столько о приезде Ельцина.

Еще в 94-м году я предполагал, во что все может превратиться: перевезут останки на самолете, быстро закопают, а потом будут за деньги водить на могилу туристов. Тогда, четыре года назад, я написал Ярову, единолично отвечавшему за перезахоронение: дайте людям возможность самим пронести останки по стране, передавая их из рук в руки на всем пути от Екатеринбурга до Санкт-Петербурга. Конечно, эта акция вряд ли в один момент изменила бы русский народ, но она могла стать первым шагом к покаянию.

Господь, пожалуй, последний раз в этом столетии послал нам шанс совершить серьезный акт примирения. К со-

Никита Михалков

вижу необходимости заявлять себя в качестве политика только для того, чтобы вступать с кем-либо в единоборство. На подобный шаг можно пуститься, когда понимаешь: другого выхода нет. Сегодня вопрос так не стоит, поэтому повторяю: поддержку любого, чья программа, мысли и чувства совпадут с тем, что думаю и испытываю я.

- Словом, вы готовы следовать, а не вести?

- Живу по принципу, сформулированному Львом Николаевичем Толстым: делай, что должно, пусть будет, что будет. Вы настойчиво добиваетесь от меня конкретного ответа, но его просто нет. Мне ясно другое, о чем и говорю вам абсолютно серьезно: сегодня Россия опять стоит на пороге 17-го года, поэтому сложно прогнозировать, по какому из сценариев станет развиваться ситуация в ближайшие месяцы. Если действующий президент (вне зависимости от того, сколько он собирается и сколько ему реально дадут править) не подготовит смену, не позаботится о преемственности власти, то и страну, и лично Бориса Николаевича может ждать то, что случилось в России восемьдесят лет назад. Пустить державу плыть по воле волн - значит совершить катастрофическую ошибку. Нельзя каждые четыре года не правителя менять, а общественный строй. Это путь к новой гражданской войне.

- И все же, Никита Сергеевич, вы говорите, что не можете дать мне конкретный ответ. Вероятно, вопрос надо сформулировать по-другому?

- Вы же спрашиваете, вам виднее, как формулировать.

- Известно, что осенью вы планируете с новым фильмом «Сибирский цирюльник» проехать по всей России - от Владивостока до Москвы. Дата старта агитпоезда уже известна?

- Все зависит от того, когда будет готова первая приличная копия картины. Думаю, начнем в конце сентября.

- И сколько времени займет поездка?

- Недели три. Мы хотим останавливаться по дороге во всех крупных городах, показывать фильм, проводить встречи со зрителями.

- Вот! Об этом я и собирался спросить.

- Так спрашивайте.

- Нельзя ли этот переезд рассматривать как разведку боем, попытку прощупать настроение потенциальных избирателей и заручиться их поддержкой на будущее?

- Мне и щупать ничего не надо. Я хорошо знаю настроение общества, особенно - в провинции.

Но я везу фильм, а не предвыборную программу. К тому же мировая премьера картины запланирована не на Дальнем Востоке или в Сибири, а в Москве. Поэтому вам правильнее было бы предположить, что разведку я начну со столицы и конкретно - с Кремлевского Дворца съездов, где ради такого события сейчас заменяется вся кинопроекторная аппаратура, экран, аудиоклонки и так далее.

- Кремль - это для пафоса?

- Во-первых, зал. Все-таки больше четырех тысяч мест. Ну и, как вы говорите, пафос. Кроме всего прочего, мы ведь снимали в Кремле, на Красной, на Соборной площадях.

- И даже на время умудрились погасить звезды на башнях - впервые после зимы 41-го года, когда фашисты стояли под Москвой.

- Да, и это...

- Как вам удалось?

- О, это отдельная история, требующая подробного рассказа. Честно говоря, сначала мне самому страшно было ставить вопрос о кремлевских звезд-

дах. Фраза звучала кощунственно. Ничего: и вопрос задали, и ответ на него получили...

- Наверное, все же можно было не гасить звезды, но вы пошли на принцип, решив доказать, что для вас нет ничего невыполнимого?

- Днем мы наловчились снимать так, что звезды не попадали в кадр, но ночью не получалось взять ни один общий план. Поэтому дело не в голом упрямстве.

...Словом, выбор места для премьеры играет не последнюю роль. Кремль придает масштабность событию.

- Предвкушаю смачные заголовки в газетах, которые напишут о действе.

- «Михалков вошел в Кремль»?

- Думаю, это будет самый скромный вариант.

- Ради Бога, упражняйтесь на здоровье. Я привык. Скажем, недавно меня в очередной раз назвали великорусским шовинистом, сиречь - антисемитом. Прикажете доказывать, что это ложь, ерунда?

Прежде чем писать, задумались бы: если я такой ярый антисемит, стал бы приглашать на IV съезд Союза кинематографистов главного раввина России да еще и давать ему слово? Давно понял, что наиболее действенный способ

Читаю очередную гнусность, улыбаюсь и думаю: какая же ты сука, глупая сука! Не выведешь меня из равновесия, не дождешься. Живи сам в том дерьме, которое производишь!

борьбы с хулой и клеветой - не реагировать на провокации. Я никого не вызываю в суд или на дуэль. Это страшно распалает моих критиков.

- Обидно, когда тебя игнорируют.

- Понимаю. Хочется, чтобы ответил, вступил в дискуссию. Ничего, перебыть. Знаете, в России была такая поговорка: мужик на барина сердился - сердился, а тот и не знал...

- Ага! Барин...

- Это я для примера сказал. Если искренне хотят разобраться в том, что я делаю, - пожалуйста, готов общаться с каждым. Можно не разделять мои взгляды, критиковать фильмы, но сначала надо все же постараться понять. Я согласен выслушать самые неприятные вещи, но при условии, что человек стремится вникнуть в суть, а не пытается профигурить на моем фоне, не паразитирует на мне, как лобковая вошь.

Предпочитаю разговор открытый, прямой. Если же спор идет на уровне «Вы не любите евреев», то... Не стану же я бить себя в грудь и доказывать, что обожаю их! Для меня нет национальностей, я любого назову братом, если человек чувствует, любит, хочет понять мою страну, готов помочь ей. А Иван Иванович Иванов окажется полным говном, если равнодушен или высокомерен к России. Дело отнюдь не в фамилии или в пятой графе.

- Раз уж мы заговорили о национальных особенностях... В авторской экспликации «Сибирского цирюльника» я нашел определение - «русская зависть». Наверное, ей можно объяснить многое, в том числе и отношение к вам?

- В моих устах такое предположение будет выглядеть как попытка чем-то оправдать нелюбовь к себе. Это довольно мелко. Другое дело, что русская зависть действительно уникальна. В России успехи других не стимулируют, не пробуждают желание работать, а лишь будят стремление напасть

более талантливому, удачливому и преуспевающему.

Но меня это мало касается. Я научился не реагировать на зависть, в том числе - русскую.

- Разве это возможно?

- Конечно, я отвечаю на выпады против меня, но делаю по-своему - работой, выдержкой. Если буду ввязываться в перебранку по каждому поводу, начну давать отпор на все лживые статьи, тогда - конец. Но, как сказал Розанов, мне неинтересен человек без веры. А у этих людей веры нет, они не ведают, что сотворенное зло вернется к ним. Злобствующие делают хуже себе - меня это не трогает. Читаю очередную гнусность, улыбаюсь и думаю: какая же ты сука, глупая сука! Не выведешь меня из равновесия, не дождешься. Живи сам в том дерьме, которое производишь! Х... с тобой!

- Именно так и говорите?

- Да, так. И тот, кто шипит обо мне гадости, понимает: я могу легко отмахнуться.

Но ведь речь не только обо мне. Вопрос шире: многое в сегодняшнем обществе напоминает поведение запойного алкаша, который коссеет уже от вида бутылки с бормотухой. Люди опьянены ощущением безнаказанности, вседозволенности, когда в кайф написать мерзость о президенте, публично нахамить ему и не получить сдачи. Но ты же, мразь, выбирал этого главу государства, не хотел другого! Что ж теперь его дерьмом обливать?

Конечно, проще стоять в стороне и грязью кидаться, чем вместе искать выход из болота.

Наше общество, увы, тяжело болеет, принцип «чем хуже, тем лучше» становится нормой.

В людях словно что-то надломилось, они не выдерживают долговременных нагрузок. Яркий пример: русский мужик не в состоянии выпить два стакана водки, чтобы потом не нести ахинею и не падать облеваным в умильнички! Где это видано?

- А вы можете?

- Могу. И больше, чем два стакана, могу. Мы с Ростроповичем только что выпили по бутылке коньяка на брата. За три часа.

- В самолете, что ли?

- Ну да. Пока летели из Парижа.

- Так не скажешь - за трезвого сойдете.

- Я и есть трезвый.

- А Ростропович как?

- Ничего, нормально. Уехал веселый...

С нами - все в порядке, а вот многие ослабели. Они не могут спокойно пере-

носить здоровый вид окружающих. Это вызывает истерику, желание напасть, высосать из пальца мерзость и ждать реакции.

Куда честнее выйти и прямо сказать: «Я тебя не люблю!». Тогда я смогу задать ответный вопрос: «За что?». Глядишь, и разберемся. Во мне ведь есть такое, что я и сам в себе не люблю.

- Кажется, на съезде кинематографистов Владимир Меньшов объяснился с вами по полной программе?

- Ничего подобного. Он предложил найти мне альтернативу из старшего поколения. Поразительно! Это сказал Меньшов, который в 86-м году на так называемом перестроечном V съезде первым бросился поливать стариков грязью и даже меня зацепил, когда я заступился за Сергея Бондарчука.

Да Бог с ним, с Меньшовым. Я на него зла не держу. Если говорить о Союзе кинематографистов всерьез, то это для меня тяжелейший крест, который не дает ни славы, ни почестей, ни денег. Ничего из того, что можно получить на посту секретаря союза, мне не нужно. У меня все это есть: и квартира, и машина, и дача. При этом я все заработал своим трудом - ничего ни у кого не украл и не выпросил.

- Так на кой же вам этот союз с его проблемами? Только, Никита Сергеевич, пожалейте, без патетики и прочих высоких слов.

- Скажу, как думаю. Мне стыдно за то, что происходит с нашим кино. Чувствую ответственность. Но и это не все. Как бы объяснить попонятнее?..

- Говорите, как-нибудь разберемся.

- Мне неловко быть в кино одному. Это неправильно, ибо вокруг есть масса талантливых людей, может, намного талантливее меня. Им надо помочь, поскольку они лишены возможности заниматься делом, для которого созданы.

- Сначала киношникам подсобите, а потом, глядишь, и за проблемы страны возьметесь?

- Опять вы о своем... Говорю же вам: сперва надо справиться с крестом, который сейчас на себя взвалил. Тяжкое дело, поверьте. Вдвойне тяжкое, когда больше всего хочется книжки читать, в теннис играть и кино заниматься: свое - снимать, а чужое - смотреть (не всякое, правда).

Санкт-Петербург - Москва.